

© — 1992 В. В. МУСАТОВ

«ТИХИЕ ПЕСНИ» ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО

The first poetical collection by I. Annensky is treated in the article as a self-valuable idea-artistic unity but not as a threshold of the «Cypress casket» — the main book of the poet. The researches are inclined to bring together the image of the lyrical «I» of the «Gentle songs» and the Chekhov's intelligent. The author argues against them and reveals taste for the heroic, the hidden in it thirst for the activity and the tragic beginning connected with it.

Первый сборник стихов И. Анненского рассматривается в статье как самоценная идейно-художественная целостность, а не как преддверие «Кипарисового ларца» — главной книги поэта. Польмизируя с исследователями, склонными сближать образ лирического «я» «Тихих песен» с образом чеховского интеллигента, автор обнаруживает в книге тягу к героическому, скрытую в ней жажду активности и деятельности, а также связанное с этим трагедийное начало.

«Тихим песням» Анненского не повезло.

При жизни поэта они не были по-настоящему оценены и поняты. После смерти — заслонены «Кипарисовым ларцем». Никто еще не оспорил авторитетное мнение Л. Я. Гинзбург, что этот сборник «только предсказывал будущий — и столь поздний — расцвет поэта» [1, с. 328]. А между тем это мнение ошибочно. Художественная концепция «Тихих песен» — вполне зрелое явление, а она отнюдь не должна рассматриваться как некий эмбрион еще не до конца вызревшего творческого метода Анненского. Более того, только оценив и поняв свособразие и глубину этой концепции, мы можем правильно увидеть и «Кипарисовый ларец».

Как известно, «Тихие песни» вышли под псевдонимом «Ник. Т-о», комментарий к которому исчерпывающе дал А. В. Федоров: «Псевдоним знаменателен: Никто (по-гречески „утис“) — так назвался мудрый Одиссей, оказавшийся в пещере страшного циклопа Полифема, чтобы под прикрытием этого имени спастись от гнева одноглазого чудовища. В то же время „Ник. Т-о“ это была и анаграмма, комбинация букв, входящих в имя поэта — Иннокентий» [2, с. 30]. Но это именно комментарий, не дающий ответа на вопрос, насколько актуализация мифа об Одиссее концептуальна для всей книги в целом.

Если между анаграммой «Ник. Т-о» и лирическим героем «Тихих песен» есть художественная связь (а ее просто не может не быть, учитывая *сознательный* выбор псевдонима), то вытекает она из глубинного интереса Анненского к античности — прежде всего к трагедии и мифу. А между тем та же Л. Я. Гинзбург писала, что лирическое «я» Анненского есть «человек с надорванной волей и развитой рефлексией», что он — «пресмник фаланги „лишних людей“ и современник чеховского интеллигента», что, наконец, «душа современного человека», изображенная в лирике Анненского, не была «ярким героическим явлением на античный лад» [1, с. 316—317]. Позднее И. Подольская довела сопоставление лирического героя Анненского с героями Чехова практически до прямого уподобления [3, с. 529]. Но «человек с надорванной волей» и античный Одиссей, перехитривший Полифема, — совершенно несоединимые друг с другом